

М. Н. Сперанский

**Памятники древней
письменности и искусства.
129. Из истории отреченных
книг. 1. Гадания по псалтири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
С71

С71 **Сперанский М.Н.**
Памятники древней письменности и искусства. 129. Из истории отреченных книг. 1. Гадания по псалтири / М. Н. Сперанский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 274 с.

ISBN 978-5-518-05451-6

Тексты гадательной псалтири и родственных ей памятников и материал для их объяснения.

ISBN 978-5-518-05451-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Христіанство, распространяясь между варварами, наталкивалось на старыя языческія религіи, должно было ихъ за-нѣнить собою въ сознаниі новообращаемыхъ народовъ. Оно и замѣняло собой это язычество, но не вездѣ съ одинаковою полнотою, не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ: создавалось двоевѣріе, чувствуемое въ большей или меньшей степени до сихъ поръ христіанскими народами. И само христіанство, раз-носимое по всей варварской Евронѣ, далеко уже не представ-ляло даже въ раннія эпохи своего распространенія безусловно чистаго отъ примѣсей ученія; если оно было такимъ въ сознаниі и пониманиі лучшихъ передовыхъ своихъ предста-вителей, то въ значительномъ большинствѣ случаевъ оно уже несло въ себѣ претворенными въ болѣе или менѣе значитель-ной степени наслоенія дохристіанскихъ вѣрованій и привы-чекъ античнаго міра, древняго востока. Эта примѣсь, нахо-дившая себѣ отзвукъ въ вѣрованіяхъ новообращаемыхъ на-родовъ, прививалась этимъ послѣднимъ, ослабляя ту противо-положность въ міровоззрѣніи, которая необходимо сказывалась между христіанствомъ и язычествомъ любого направленія: въ этой примѣси была, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, об-

щая культурная почва, созданная психологіей человѣка, хотя и въ разное время и при разныхъ условіяхъ, но все же общая потому, что она являлась общечеловѣческой. Къ числу такихъ общечеловѣческихъ психологическихъ чертъ относится стремленіе человѣка знать будущее, откуда развивается и пророчество, какъ выраженіе вѣры въ возможность знать будущее, и гаданіе, какъ средство получить это пророчество. Поэтому у всѣхъ народовъ земного шара, при самой низкой степени культуры, мы находимъ гаданіе, и притомъ это гаданіе уже носитъ религіозный характеръ, разъ у народа есть представленіе о божествѣ, какъ о существѣ высшемъ, а стало быть такомъ, которому доступнѣе то, что мало доступно человѣку, въ данномъ случаѣ—будущее. Съ этимъ возрѣніемъ, психологическимъ фактомъ, должно было считаться и христіанство, созданное поэтому не только нравственный и религіозный законъ и литературу, но и пророческую книгу—Апокалипсисъ. Какъ ученіе, развивающееся среди народовъ съ высокою культурой, оно въ возможно меньшей степени могло воспринять и гаданіе, унаслѣдованное сознаниемъ и вѣрой античнаго грека и римлянина, но все же совершенно изгнать его не могло. Наоборотъ, вопреки настояніямъ и взглядамъ передовыхъ представителей своихъ, христіанство восприняло въ себя старое наслѣдіе, одѣвъ его въ христіанскую оболочку и изгнавъ изъ него чисто языческій элементъ: гаданіе языческое стало гаданіемъ христіанскимъ и не могло быть искоренено въ низнихъ и среднихъ слояхъ христіанскаго общества, а по-давно среди новообращаемыхъ. У посхѣдившихъ гаданіе христіанское тѣмъ охотнѣе прививалось и укоренялось, что оно становилось на мѣсто ихъ собственнаго языческаго гаданія. Сама церковь предпочитала не преслѣдовать гаданія христіанскаго

на первыхъ порахъ, находя въ немъ хоронее орудіе для изгнанія языческаго гаданія (см. ниже, мнѣніе бл. Августина). Такимъ образомъ само христіанство явилось тѣмъ факторомъ, который переносилъ, сохранялъ (правда, въ своеобразномъ видѣ) старое, античное и древневосточное преданіе. Сношенія же съ востокомъ, вліяніе отживающаго свой вѣкъ античнаго міра только поддерживали, оживляли эту связь, вмѣстѣ съ позднѣйшими условіями, результатомъ которыхъ было новое вліяніе востока на западную Европу и Византію. Какъ видимъ, почва для переживанія этого античнаго и древневосточнаго вѣрованія—гаданія—постоянно подновлялась, освѣжались новыми притоками; на этой почвѣ не умирало, но замирало свое старое языческое гаданіе: оно только облекалось въ иную форму, иногда ее видоизмѣняя, иногда скрываясь подъ нею.

На такую же почву, мало тронутую культурой средне-вѣковой Европы и древняго міра, но заключавшую въ себѣ готовые элементы для воспріятія, вмѣстѣ съ христіанствомъ явилось гаданіе и у насъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ принятія христіанства мы уже имѣемъ первое извѣстіе о христіанскомъ гаданіи на Руси. Это гаданіе носить уже всѣ черты обычнаго (чтобы не сказать—общепринятаго) гаданія въ Европѣ. Изъ того же столѣтія мы имѣемъ и первый гадательный памятникъ. Эти памятники виѣстѣ съ извѣстіями о гаданіяхъ тянутся чрезъ всю старую Русь, переходятъ въ новыя времена и доживаютъ до нашихъ дней.

Прослѣдить одинъ изъ небольшихъ фактовъ гадательнаго характера—именно гаданія по псалтири—и составляетъ цѣль нижеслѣдующаго разсужденія, собственно только собирающаго разнородный, впрочемъ далеко неполный, матеріалъ для исторіи гаданій по псалтири въ древне-русской и славянской ли-

тературахъ. Все изслѣдованіе есть только попытка критически оцѣнить тотъ матеріалъ, который дошелъ до насъ. Матеріалъ же этотъ до сихъ поръ не только не былъ подвергаемъ тщательному изслѣдованію, но не былъ почти даже изданъ. Начало такому изданію кладется приложеніями къ настоящему обзору.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ вспомнить добрымъ словомъ покойнаго А. К. Жизневскаго, благодаря содѣйствію котораго издается теперь текстъ Тверскаго музея, а также поблагодарить лица, такъ или иначе оказавшія помощь и поддержку въ моей работѣ: проф. П. С. Сречковича (въ Бѣлградѣ), И. Е. Забѣлина (въ Москвѣ) и А. О. Бычкова (въ С.-Петербургѣ).

М. Сперанскій.

И ѿрадиких ѿ (пословъ) вземъ псалтырю к печави раз-
 гухъ ѿ (н?) и то ми еѡ взина. вскүю псчалуієши дшс. вскүю
 смүщасиши ма. и прочая. и потому сократъ слока си лмкані. и
 складохъ по радѹ и написа. аще взі погубиши не лмка. а перса-
 ннѣ приимантс. вскүіє псчалаи кси дшс моѡ. вскүю смүщасиши ма.
 оупова на ба ѿко непокѣмелъ ксмү...¹⁾ Эти слова, составляющія
 часть Поученія, приписываются Владиміру Мономаху, который
 въ наставленіе дѣтямъ сообщаетъ случай изъ своей жизни: на
 Волгѣ къ нему пришли послы съ предложеніемъ поднять ору-
 жіе на Ростиславичей, выгнать ихъ изъ волости и завла-
 дѣть ею; въ противномъ случаѣ грозили разрывомъ съ брать-
 ями, съ которыми Мономахъ цѣловалъ крестъ. Будучи въ
 нерѣшительности и, поэтому, въ печали, Владиміръ взялъ псал-

¹⁾ Пс. XLII, 12. Поученіе Владиміра Мономаха по Лаврентьевскому списку (литогр. изд., л. 155 б.), въ П. С. Р. Д., I, 100. За приведенною цитатою идетъ рядъ стиховъ изъ псалтири, въ перемежку съ цитатами изъ другихъ священныхъ книгъ и отеческихъ писаній. Въ лѣтописи Поученіе Мономаха вставлено неудачно подъ 1096 г., но годоу его созданія считаютъ 1099 годъ (М. П. Погодинъ; за нимъ Протопоповъ, С. Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній, въ «Жури. Мин. Нар. Провѣд., 1874 г., II, 236), что, однако, сомнительно: въ Поученіи упоминаются событія послѣ этого года. Въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ, самъ по себѣ важный, для насъ существеннаго значенія не имѣетъ, давая разницу на нѣсколько лѣтъ.

тирь, которая была съ нимъ и въ дорогѣ, какъ видно изъ его разсказа, раскрылъ ее на удачу и прочелъ выпавшіе ему стихи псалма («и то ми ся выня»), затѣмъ изъ «словецъ» (можетъ быть, изъ отдѣльныхъ словъ, или скорѣе, буквъ въ началѣ строкъ на страницѣ) составилъ себѣ отвѣтъ, руководясь собранными и сложенными подъ рядъ этими «словцами», а можетъ быть, нашелъ его по этимъ словцамъ и готовынъ: «аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте». Это первое, старшее, сколько мнѣ извѣстно, русское и славянское извѣстіе о гаданіи по псалтири ¹⁾. Но въ этомъ случаѣ Мономахъ не былъ первымъ, кому пришло въ голову погадать такимъ способомъ: онъ примѣнилъ здѣсь уже много вѣковъ существовавшій до него обычай искать разрѣшенія своему сомнѣнію гаданіемъ по псалтири. Гаданіе же по псалтири въ свою очередь есть только частный случай гаданія по священной книгѣ вообще, а это послѣднее гаданіе восходитъ само къ весьма древнему обычаю—гадать по письму вообще.

Разберемъ нѣсколько подробнѣе самое свидѣтельство о гаданіи Мономаха: во первыхъ, гадалъ онъ по псалтири. Почему именно по псалтири, а не по другой какой-либо книгѣ гадалъ Мономахъ, объяснить легко, если мы, хотя немного, за-

¹⁾ Подобный же способъ гаданія и въ тѣхъ же выраженіяхъ, но только по кнѣжанъ пророческимъ, извѣстенъ намъ и изъ XIII вѣка (Ипат. лѣт. подъ 6784—1276 г.); такъ Владиміръ Волинскій гадалъ: „разгнувъ же книги, и выняся ему“ (Ипат. лѣт., изд. 2-е, стр. 577). Выраженіе „выняся“, взятое изъ гаданія по жребію, гдѣ оно буквально соответствуетъ смыслу, было уже въ XI—XII вѣкѣ, по видимому, терминомъ общимъ. Ср. *И. И. Срезневскаго*. Свѣд. и зам. XXXIV, 36. Ср., напримѣръ, „вергуть жеребье, коку си выиметь“ (Грав. Новг. 1199 г.); „положиша на св. трапезѣ триє жеребіа, и выняся Божію благодатію Мартирія“ (Новг. лѣт. подъ 1193 г.), ср.: „кому выняся, тону сбудется—не минуется“ (наблюдная пѣсня); ср. у *В. И. Далл*, Пословицы (С.-Пб. 1879), стр. 31.

глянемъ въ исторію этой почтенной книги. На долю ея выпала въ жизни христіанъ, а въ частности у насъ, особенная роль. Псалтирь во всемъ христіанствѣ является самою популярною книгой, не исключая даже евангелія (пониманіе котораго простому человѣку дается, къ тому же, сравнительно не легко); въ псалтири совмѣщалось для простого христіанина почти все, что было ему нужно: здѣсь находилъ онъ нравственный кодексъ, легко усваиваемый, благодаря самой формѣ псалтири, расположенной въ видѣ краткихъ законченныхъ строфъ-стиховъ; въ ней же видѣлъ онъ книгу пророческую, такъ какъ псалтирь богата прообразами относительно Христа, Богоматери: не даромъ же древнѣйшія толкованія на псалтирь, напримѣръ, Θεодоритово ¹⁾, Аеанасіево ²⁾, такъ называемое „сборное“ ³⁾, всѣ проникнуты широкою символическою, разъясняющей псалтирь и ея выраженія именно съ этой стороны; въ то же время, какъ книга поэтическая, псалтирь давала и высоко-религіозное, и вмѣстѣ поэтическое чтеніе, производящее впечатлѣніе своимъ глубокимъ лиризмомъ и художественностью образовъ ⁴⁾. Сюда же присоединяется псалтирь, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ источниковъ церковной службы. Этимъ характеромъ псалтири объясняется ея роль въ жизни: она является первою учебною книгой послѣ азбуки, ею руководятся въ жизни и духовенство, и мѣряне; она же оказываетъ глубокое вліяніе на литературу народную, полународную и книжную ⁵⁾. Поэтому понятно, что Мономахъ даже

¹⁾ Чудовскій, напримѣръ, списокъ XI вѣка.

²⁾ Псалтиря Болонская, Погодинская, Младеновича и др.; ср. *Archiv für sl. Pk.* XIV, 47—48.

³⁾ Максима Грека, напримѣръ.

⁴⁾ Ср. ниже слѣд. примѣчаніе.

⁵⁾ Считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько данныхъ для исто-

въ дорогѣ не разставался съ этою полезной и поучительною книжкой. Да и здѣсь не онъ одинъ поступалъ такъ: рядъ

рѣх псалтири, именно съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что подобной работы въ русской литературѣ мы еще не дождались. Свидѣтельства о томъ уваженіи, какимъ пользовалась псалтирь въ средѣ духовенства, встрѣчаемъ весьма рано: уже Феодосій Печерскій завѣщаетъ иноку «добру быти на пѣніе церковное и на преданья отеческая и почитанія книжная, *паче же имѣти въ устѣхъ псалтирь Давидовъ подобаеть*» (П. С. Р. Л., I, 79); самъ онъ, по сказанію патерника, слѣдовалъ этому правилу «руками волну прядій, усты же псалтирь Давидову поя». (В. Яковлевъ. Памятники русск. литературы XII и XIII вѣковъ, стр. 22). Псалтирь читалась не только надъ покойникомъ, какъ и теперь, но также и надъ больными, въ особенности надъ тяжело больными и надъ тѣми, кого считали вабогѣвшимъ подъ влияніемъ козней алого духа (Прав. Собес. 1857 г., IV, 836; ср. епистола у испанцевъ, о чемъ рѣчь ниже). О необыкновенномъ уваженіи къ псалтири свидѣлствуютъ даже иностранцы, посѣщавшіе Россію (напримѣръ, Маржереть; см. стр. 260 по изд. Устрялова); и въ болѣе позднихъ русскихъ свидѣтельствахъ находимъ тѣ же указанія; такъ, въ одномъ любопытномъ сборникѣ XVI—XVII вѣка изъ собранія И. Н. Михайловскаго въ г. Нѣжнѣ читаемъ: «Почитай святыя книги, отъ нихже научишися страху Господню. Вся книги проповѣдуютъ и поучаютъ насъ премудрости и прежде реченному отъ Господа послѣдствуютъ, а никакая книга тако не *скалитъ* Бога, якоже «псалтирь»: хвалить въ ней Давидъ Бога, яко Господь челоуѣка ради сотвори всю тварь и покори подъ нозѣ его всяческая» (л. 7—7 об.). Ср. Каталогъ собранія рукописей Э. И. Буслаева (С.-Пб. 1897), стр. 103, статья 3. Въ письменной русской литературѣ трудно встрѣтить произведеніе, которое обошлось бы безъ цитаты изъ псалтири; лучшимъ примѣромъ служить само Поученіе Мономаха, откуда мы почерпнули свѣдѣніе о гаданіи по псалтири: почти вся первая его часть есть не что иное, какъ рядъ цитатъ изъ той же псалтири, какъ замѣчено было выше. Въ знакъ уваженія къ псалтири, ей давалось иногда названіе: «Предисловіе псалтири, нарицаемѣй заморочившая. Протокуется: *глубина премудрости* премудраго царя Давида» (Рум. Муз. № 329, сп. XVI вѣка; см. Мочульская, В. И. Анализъ стиха о Голубиной книгѣ, стр. 49). Еще глубже влияніе псалтири въ популярной народной и полукнижной литературѣ: она служитъ образцомъ, темой для цѣлаго ряда стиховъ духовныхъ, которые не даромъ въ тетраджахъ, куда они попадаютъ или откуда они переходятъ въ народъ, называются не только «кантами», но и «псалмами» (См. Описаніе рукоп. Твер-

свидѣтельствъ русскихъ и нерусскихъ говоритъ объ общераспространенности этого обычая¹⁾). Такимъ образомъ, внѣш-

ского Музея, стр. 230, 273, 275; ср. *П. Жмезжко*. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Киевъ. 1893, стр. 58); а въ стихѣ о Голубиной книгѣ (*П. Безсоновъ*. Калѣки, II) Давидъ, авторъ именно псалтери (а не премудрый Соломонъ), является тѣмъ лицомъ, которое одно только и можетъ объяснить всѣ тайны мірозданія, отвѣтитъ на всѣ мудреные вопросы. Та же роль принадлежитъ Давиду и въ богомильскомъ Апокалипсисѣ Іоанна, источникъ стиха о Голубиной книгѣ (*Jagić, V. Die christlichmythologische Schicht in der russ. Volksverv.*, см. *Archiv für sl. Ph.* I, 1, 388). Да и сама почтенная, вліятельная Голубиная книга уважаетъ на то уваженіе, какому проникался русскій человѣкъ относительно псалтери; въ одномъ текстѣ ея находимъ:

Псалтерь-книга всѣмъ книгамъ мати.

Почему псалтерь-книга всѣмъ книгамъ мати?

Поминаются праведныхъ родители:

Потому псалтерь-книга всѣмъ книгамъ мати.

(*Безсоновъ*. Калѣки. II, стр. 290).

По другому тексту (*Варениковъ*. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. С.-Пб. 1860, стр. 19), «псалтерь-книга» не только «всѣмъ книгамъ мати», но и рисуется она въ тѣхъ же самыхъ грандіозныхъ чертахъ, чтѣ и сама книга «Голубиная»:

Потому она всѣмъ книгамъ мати:

Въ долину книга сорока сажень,

А въ ширину книга двадцети сажень, . . . и т. д.

Ср. *Мочульский*, у. с., стр. 183.

Кроиъ того, многіе стихи изъ псалтери, какъ книги популярной, излагающей въ сжатой формѣ изреченія нравственныя сентенціи, могли легко дать, если не всегда тему, то весьма часто форму народной и полународной пословицы или поговорки. Такую связь съ псалтерью обнаруживаютъ народныя и полународныя изреченія и пословицы въ сборникахъ, въ родѣ взятаго въ основу при изданіи Снегиревымъ (*Русскія пословицы*); см., напримѣръ, № 6, 49, 70, 117, 158, 176, 207, 274 и т. д. Ср. также *О. Березинъ*. Древнерусскія отреченныя вѣрованія и Брюсовъ календарь (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1874 г., № 4, стр. 309—311). Наконецъ, слѣдующія ниже замѣтки о гаданіяхъ по псалтери представляютъ все что иное, какъ одну изъ сторонъ исторіи этого популярнаго памятника на славяно-русской почвѣ.

¹⁾ Напримѣръ, св. Вячеславъ, князь Ченскій, по словамъ хроникки Да-

нія, такъ сказать, условія гаданія Мономаха являются вполне понятными и обычными. Но какъ гадалъ Мономахъ, подробности самого процесса гаданія, для насъ не ясны, и, кажется, мы не имѣемъ пока возможности вполне разгадать тотъ способъ гаданія по псалтири, который примѣнилъ Мономахъ. Все-таки, вполне отказаться отъ подобной попытки, отъ желанія найти, по крайней мѣрѣ, мѣсто для гаданія Мономаха въ ряду другихъ гаданій, постараться изучить «гадательную» псалтирь (а, несомнѣнно, такая псалтирь была у Мономаха), не представляется достаточно основаннѣ: разъясняя иные способы гаданія по псалтири, отношеніе этихъ гаданій къ инымъ. изучая литературныя произведенія, связанные съ этими гаданіями, мы все-таки подходимъ къ рѣшенію, къ уясненію одного важнаго вопроса о значеніи псалтири, какъ книги гадательной.

I.

Желаніе знать будущее, иногда прямо потребность, вполне понятныя у человѣка во всякое время, при всякой культурѣ, еще въ отдаленныя времена жизни человѣчества создали богатую пророческую литературу, какъ на древнемъ востокѣ (ка-

лимыла (XIV вѣка): *Žaltáři pod paříu vždy posleže, své komorníky žaltáři zněl bíle.* (Гл. XXVII, ст. 39—40, по изд. I. Иречка въ *Ramátkách staré liter. české* (č. 2, Praha, 1877), стр. 47). Св. Борясъ, застигнутый убійцами на Альтѣ, Михайль Черняговскій, Михайль Тверской готовится въ смерти пѣннемъ псалмовъ. Обычай имѣть въ дорогѣ псалтирь вызвалъ изданіе Скоряны — «Малая подорожная книжица» (Вильна, 1626, 12°), гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ псалтирь «Песни святаго пророка Божія Давыда царя ерусалимскаго о Христѣ» (*Карамзинъ. Описаніе славяно-русскихъ книгъ*, стр. 62); ср. В. *Исконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии* (Кіевъ. 1869), стр. 4.